

Однако анализ качества дактилоскопической информации свидетельствует об отсутствии у сотрудников ОВД необходимого опыта, навыков, умений при дактилоскопировании граждан, что нередко является причиной неполноты прокатки пальцев, неравномерного распределения красящего вещества, отображения отпечатков пальцев рук и оттисков ладоней в виде мазков черного цвета и т. д.

Через критику в адрес сотрудников ОВД, осуществляющих дактилоскопирование со стороны должностных лиц ГКСЭ, вынуждает сотрудника ОВД (при отсутствии дежурного эксперта) отправлять гражданина в территориальное подразделение ГКСЭ, расположенное часто обособленно, по иному адресу, на значительном расстоянии от подразделения ОВД. При этом гражданину выдается бланк дактилоскопической карты установленного образца с заполненными должностным лицом ОВД анкетными данными.

Гражданин с полученным бланком дактилоскопической карты следует в подразделение ГКСЭ, где сотрудник осуществляет непосредственно процесс переноса дактилоскопической информации на бланк дактилоскопической карты установленного образца, имеющийся у гражданина.

В качестве подтверждения факта прохождения дактилоскопической регистрации гражданину необходимо получить соответствующую справку. Данную справку выдает сотрудник ОВД, принявший направление о прохождении дактилоскопирования. Основанием для выдачи справки является дактилоскопическая карта, в которой уже имеется дактилоскопическая информация, внесенная туда сотрудником ГКСЭ. По этой причине сотрудник ГКСЭ, проводивший дактилоскопирование, вынужден отдавать материальный носитель (дактилоскопическую карту) с заполненной дактилоскопической информацией гражданину для передачи в ОВД.

Описанный выше алгоритм прохождения государственной дактилоскопической регистрации способствует внесению в дактилоскопическую карту заведомо ложной информации, поскольку сотрудник ОВД, выдающий справку, не всегда убеждается в достоверности данной информации. Он не располагает данными о том, посетил ли гражданин подразделение ГКСЭ на самом деле, либо отпечатки пальцев были внесены на бланк дактилоскопической карты гражданином самостоятельно, или с чьей-либо помощью. В процессе перемещения гражданина из ОВД в ГКСЭ и обратно также возможны искажение полученной дактилоскопической информации, ее утрата, либо несанкционированный доступ к ней третьих лиц, что нарушает ст. 12 Закона «О государственной

дактилоскопической регистрации», в соответствии с которой условия хранения дактилоскопической информации должны исключать возможность ее утраты, искажения и несанкционированного доступа к ней.

Немаловажное значение имеет мнение граждан, сложившееся у них об ОВД после вышеописанного «путешествия». Безусловно, гражданину не понравится столь сложный и многоступенчатый процесс прохождения государственной дактилоскопической регистрации, что может явиться причиной негативного отношения как к самой процедуре, так и к ОВД в частности. Вместе с тем мнение гражданина об ОВД является одним из основных показателей эффективности работы правоохранительной системы.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что существующий алгоритм взаимодействия ОВД и ГКСЭ при осуществлении государственной дактилоскопической регистрации не исключает возможности несанкционированного доступа, искажения и утраты дактилоскопической информации посторонними лицами.

Представляется, что изменение порядка выдачи справки о прохождении дактилоскопирования и возможное проведение дактилоскопической регистрации в установленное время в территориальных подразделениях ГКСЭ позволит повысить эффективность и качество прохождения государственной дактилоскопической регистрации, не допустить факты доступа граждан и третьих лиц к дактилоскопической информации, а также сохранить положительный имидж ОВД у населения.

1. О государственной дактилоскопической регистрации [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 нояб. 2003 г., № 236-3 / КонсультантПлюс. Беларусь // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

УДК 343.9

М.В. Жижина

ТЕХНОЛОГИЯ СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ КАК ЧАСТНАЯ ТЕОРИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ

Предмету криминалистики, его сущности, развитию, современному состоянию и перспективам дальнейшего совершенствования посвящены многочисленные исследования [1–4 и др.]. Со времени определения Г. Гроссом криминалистики как науки о расследовании преступлений [5] ее предмет и объекты претерпевали изменения, связанные с появле-

нием диктуемых судебной практикой новых объектов, развитием теории и методологии этой науки и сменой парадигм.

Наиболее существенными моментами на пути развития представлений об объектах и предмете криминалистики были: а) включение в предмет и круг объектов криминалистики судебного следствия; б) непосредственная связь криминалистической деятельности как компонента объекта криминалистики с доказыванием в уголовном судопроизводстве; в) зародившаяся тенденция увидеть в предмете и в числе объектов криминалистики правоприменительную деятельность независимо от вида судопроизводства, т. е. выйти за пределы уголовно-правовой сферы.

Однако, несмотря на общую правовую природу криминалистической деятельности на стадии предварительного расследования и судебном следствии и общность социальных задач борьбы с преступностью, субъекты и условия ее осуществления различны. Это послужило основанием для возражений со стороны ряда теоретиков [5, 6]. Акцентируя внимание на изначальной связи криминалистики с деятельностью следователя по раскрытию преступлений и определенной специфике этой деятельности, появление судебного следствия с его субъектами доказывания в составе объекта криминалистики они считают выходом за пределы предмета и компетенции криминалистической науки.

На наш взгляд, разделяющий мнение сторонников распространения криминалистической деятельности на судебное следствие, оппоненты этой позиции недостаточно учитывают объективные, изначальные связи криминалистики со своей правовой природой, что приводит к абсолютизации главного, но отнюдь не единственного ее объекта – предварительного расследования. Отсюда односторонность, которая не может не вести к ограничению продуктивности в развитии науки и эффективности использования ее положений на практике.

Если обратиться к истокам криминалистики, то не стоит забывать, что она продукт экстенсивного развития уголовно-процессуальной науки и ее отрасли – теории доказательств в уголовном процессе. Поскольку раскрытие (расследование) противоправной деятельности осуществляется в регламентированной законодательством процессуальной форме, криминалистика неразрывно связана с уголовным процессом. Создание криминалистической науки стало объективной необходимостью, так как проблемы борьбы с преступностью выходили далеко за рамки только правовых проблем.

Аналогичная потребность возникла в отношении стадии судебного разбирательства. Применение криминалистических средств в суде,

естественно, представляет собой усеченный вариант всех криминалистических возможностей, но, во-первых, нельзя отказать этому применению в существенности для судебного разбирательства, а во-вторых, в качественно ином их наполнении. Результаты современных специальных исследований криминалистов в этом направлении свидетельствуют о большой их практической актуальности и социальной значимости в борьбе с преступностью. Наглядным примером изложенного являются диссертационные и иные исследования последних лет, посвященные разработке криминалистической методики судебного разбирательства по уголовным делам [7, 8 и др.]. Тактические и методические приемы, предназначенные для использования в суде, имеют свою специфику, но они все равно остаются не чем иным, как адаптированными к другим условиям, нежели расследование, криминалистическими средствами, порожденными общей методологией криминалистики. Таким образом, присутствие в предмете криминалистики судебного следствия в качестве ее объекта вполне правомерно и имеет основное значение для рассмотрения возможностей и форм применения разрабатываемых криминалистикой средств в других видах судебной правоприменительной деятельности.

Тенденция экстенсивного развития криминалистического обеспечения сказалась и на выходе научных разработок, востребованных практикой, за пределы уголовно-процессуального права и теории доказательств в уголовном процессе. В первую очередь это коснулось судебной экспертизы в связи с активной практикой ее назначения в гражданском судопроизводстве [9, 10 и мн. др.].

Общие закономерности судебного доказывания, имеющие интеграционный надотраслевой характер, при определении объекта криминалистической деятельности позволяют абстрагироваться от особенностей отраслевой процессуальной регламентации и говорить о возможности использования криминалистических средств в любом другом доказательственном процессе. Установление фактических данных, имеющих доказательственное значение, превращение сведений о них в судебные доказательства является предметом криминалистической деятельности в любом процессе с доказыванием. Однако процессуальная регламентация доказательственных действий в каждом виде судопроизводства имеет свои особенности отраслевого правового значения. В связи с этим ученые, исследовавшие затронутую проблематику, подчеркивали творческий характер применения криминалистических возможностей в другой (не уголовно-правовой) доказательственной деятельности, необходимость разработки теоретических и практических основ пере-

носа криминалистических возможностей в другое правовое поле доказательственного процесса [11].

Бесспорно, каждая наука должна иметь четко очерченные границы. Однако развитие научных исследований предполагает зарождение в ее недрах новых творческих и перспективных направлений, связанных с исследованием новых объектов. При этом совершенно необязательно немедленное отражение этих объектов в определении предмета науки. История развития науки в целом изобилует появлением в рамках определенной науки нетипичных, выходящих за ее предмет объектов, исследование которых приводило к продуктивным результатам на уровне открытий новых направлений. Причем новое знание не может нести негативный заряд для «материнской» науки, если даже ведет к смене парадигмы, созданию новых интеграционных концепций, учений и т. п.

В нашем случае, разумеется, задачу применения криминалистических средств в суде нельзя считать главной при определении ее предмета. Она интегрируется с задачей уголовно-правовой сферы на более высоком уровне – оказание помощи и содействия научными средствами правосудию в целом. Именно такими соображениями руководствовались ученые-цивилисты, обращавшиеся к криминалистике как к науке, не только способной решать задачи борьбы с преступностью, которые для нее остаются основными и главными, но и как к источнику получения знаний о фактических данных в целях объективного и справедливого разбирательства спорных отношений, имеющих цивилистический характер.

Как нам представляется, создание в рамках криминалистики самостоятельной частной теории технологии судебного доказывания не приведет к «размыванию границ» и «разрушению» науки криминалистики. Оно не означает переориентации основной направленности на раскрытие и предупреждение преступлений, которая в условиях современных задач борьбы с противоправной деятельностью, несомненно, должна усиливаться и совершенствоваться. В данном случае речь может идти только о расширении функций и дополнении задач, которые можно решать на основе огромного теоретического и методологического багажа, накопленного криминалистикой, в целях оптимизации правосудия.

Снятие догматических рамок с предмета криминалистики и открытие горизонтов для решения общих теоретических и праксеологических проблем, а также разработки практических рекомендаций на правовой основе для других судопроизводств не может нанести науке вреда. Разумеется, в возможной перспективе разработка системы знаний о техно-

логии доказывания в судебном процессе в качестве самостоятельной научной области может и не называться криминалистикой, но останется именно ее отраслью в силу общности криминалистических «корней» и «материнской» роли.

В перспективе расширение применительной криминалистической функции – это начало развития криминалистики как надотраслевой науки, предполагающей в своей структуре наличие общей части (научных основ криминалистического обеспечения любого судопроизводства) и особенной (соответствующее обеспечение для каждого вида с учетом его особенностей).

1. Белкин, Р.С. Общая теория советской криминалистики / Р.С. Белкин. – Саратов, 1986.
2. Чельшева, О.В. Гносеологические основы отечественной криминалистики (теоретико-прикладное исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / О.В. Чельшева. – СПб., 2003.
3. Жижина, М.В. История развития и современные представления об объекте и предмете криминалистики / М.В. Жижина, Е.П. Ищенко // Б-ка криминалиста. – 2012. – № 3 (4).
4. Криминалистика. – М., 1950. – Ч. 1.
5. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908 г. / Г. Гросс ; предисл. Н.П. Яблокова. – М. : ЛексЭст, 2002.
6. Лаврухин, С.В. Объекты и предмет криминалистики / С.В. Лаврухин, Ю.С. Комягина. – М. : Юрлитинформ, 2013.
7. Корма, В.Д. Проблемы совершенствования парадигмы криминалистики как теории здравого смысла / В.Д. Корма, В.А. Образцов // Вестн. криминалистики. – 2013. – № 2 (46).
8. Хорошева, А.Е. Проблемы теории и практики криминалистической методики судебного разбирательства с участием присяжных заседателей по уголовным делам об убийствах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Е. Хорошева. – Барнаул, 2011.
9. Кириллова, А.А. Основы криминалистической методики судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А.А. Кириллова. – Улан-Удэ, 2013.
9. Жуков, Ю.М. Судебная экспертиза в советском гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Ю.М. Жуков. – М., 1965.
10. Рожков, А.Ю. Криминалистическое обеспечение гражданского и арбитражного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Ю. Рожков. – Воронеж, 2003.
11. Жижина, М.В. Теория и практика применения современной криминалистики в гражданском процессе : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.12 / М.В. Жижина. – М., 2017.